

Вообще-то Цзянь Сунъи собирался сделать веерную рассылку, но случайно смахнул не туда и создал групповой чат. Экран мобильного мгновенно запестрел вереницей сообщений.

Жирный грибочек: [Суперэффективное средство для похудения!]

Скидка 40% на гадание: [Свидетельство о браке моего любимого ОТП!]

Красавчик Сюй: [Страстная ночь с моей богиней!]

Чжоу Сяоло: [Страстная ночь с моим богом!]

Красавчик Сюй: [Погодите-ка, Брат Сун, ты там часом никого не забыл добавить?]

Лу Цифэн: [Да хорош гипотетически рассуждать про наши дни рождения. Выкладывай начистоту: ты ведь Бо Хуаю подарок выбираешь? Если ему, то вообще без разницы что. Любая вещь от тебя сойдет.]

Лу Цифэн: [Кстати, можешь последовать совету Чжоу Ло.]

Цзянь Сунъи: [Какому еще совету? Снять для Бо Хуаю мальчика по вызову? Мы тут закон вообще-то не нарушаем?]

Б.: [Чисто теоретически: платить за это — противозаконно. А если бесплатно, то никакого криминала.]

Чжоу Сяоло:...

Ян Юэ:...

Юй Цзыго:...

Лу Цифэн:...

Все участники ровно три секунды гипнотизировали системную строчку: «Красавчик Сюй пригласил пользователя Б. в чат».

А затем один за другим покинули беседу.

Красавчик Сюй: [??? Вы чего? Чего все ливнули-то? Вы меня бойкотируете или Дедушку Бо?]

Красавчик Сюй: [Твою ж мать! Вы реально собрались снять для Дедушки Бо мальчика по вызову?! Вот это поворот?!]

Цзянь Сунъи спешно вышел из чата, швырнул телефон на кровать и с головой зарылся в подушку, страстно мечтая скончаться прямо на месте.

«Кучка идиотов».

Только сейчас он по-настоящему осознал, почему Бо Хуай всю жизнь избегал заводить друзей. Никогда ведь не знаешь, не выроет ли этот круг общения глубокую яму прямо у тебя на пути, чтобы потом дружески закопать тебя заживо.

Улетевший на ковер мобильник надрывно трезвонил, засыпая владельца уведомлениями, но Цзянь Сунъи упорно притворялся глухим.

Он всего лишь хотел устроить Бо Хуаю приятный сюрприз на день рождения, а в итоге тот лично застукал его за обсуждением услуг эскорта в компании Лу Цифэна. Позор был настолько сокрушительным, что хотелось задушить себя подушкой.

Хотя... если подумать трезво, парни в их возрасте частенько отпускают подобные шуточки ниже пояса. В этом ведь нет ничего сверхъестественного? И умереть от стыда он вроде как не обязан? Наверное, можно просто выбросить это из головы?

Наконец несмолкаемый трезвон прекратился. Но тут же раздался стук в дверь.

А следом донесся вкрадчивый, слегка приглушенный голос Бо Хуая:

— Что, смелости заказать мне мальчика по вызову хватило, а ответить на сообщение — нет? Или ты теперь даже дверь мне открыть боишься?

Цзянь Сунъи замер.

«Нет, забудьте. Из этого облака позора не выбраться. Проще переродиться».

Он еще крепче стиснул подушку, решив безмолвно симулировать собственную кончину.

Ручка двери тихонько дернулась.

— Если будешь молчать, я войду без приглашения, — предупредил Бо Хуай.

— Стой! Я не одет! — выпалил Цзянь Сунъи, пулей выныривая из-под подушки и совершенно

не думая о последствиях.

За дверью послышался тихий смешок.

— Оказывается, у тебя дома такие пикантные привычки? Знаешь, теперь мне хочется войти еще сильнее.

—...

Воздух застрял у Цзянь Сунъи в горле. С каких это пор Бо Хуай стал так лихо отпускать двусмысленные шуточки?

— Вообще-то существует разница между Альфами и Омегами, если ты забыл! Как можно быть таким бесстыдником?

— Кому бы говорить о бесстыдстве.

—...

Каждый раз, когда Цзянь Сунъи одолевало смущение, он мгновенно терял дар речи от охватившего его чувства вины. Промучившись в тишине несколько секунд, он наконец выдавил:

— Я сплю.

Бо Хуай едва сдерживал смех:

— Ладно, спи. Тогда будь добр, передай одному упрямцу, когда он проснется, что мне не нужны никакие подарки. И праздники мне тоже не нужны. Я не люблю обременять людей и терпеть не могу шумные сборища.

— Ладно, понял. Передам. Уходи.

В голосе Цзянь Сунъи промелькнула едва уловимая тень уныния и затаенной обиды. Бо Хуай на мгновение замялся, но все же отпустил дверную ручку и негромко зашагал прочь.

Адский третий класс старшей школы оставался верным себе. Стоило им вернуться с тренировочной базы, как вся параллель без всякой передышки погрузилась в бесконечный водоворот контрольных, разборов тестов и зубрежки. Те, кто еще вчера валял дурака и

заливался смехом, в одночасье превратились в безжалостные, лишенные эмоций машины по решению задач.

Короткая вспышка веселья угасла, оставив после себя лишь блеклое, почти нереальное воспоминание. Но Цзянь Сунъи и Бо Хуай знали наверняка: за эти пять дней ледяная стена, росшая между ними три долгих года, безвозвратно растаяла в лучах восходящего солнца.

Правда, на смену прежней отчужденности пришла иная, весьма щекотливая неловкость.

И пускай во избежание безвременной кончины никто в классе не заикался о вчерашнем феерическом обсуждении «ночных утех» и «мальчиков по вызову», тонкая душевная организация Цзянь Сунъи все равно дала сбой.

Весь день он не проронил ни слова. Уткнувшись в сборник типовых заданий по китайскому языку, юноша усердно штурмовал раздел чтения. На фоне одноклассников, которых точные науки доводили до преждевременного облысения и нервного тика, его сосредоточенный вид казался верхом благородного изящества.

Классный руководитель, Бай Пиншань, при виде этой картины едва не разрыдался от избытка чувств. Он стащил очки, прикрыл ладонью лицо и замер, мелко подрагивая плечами от немого восторга.

Наконец, утерев скупую слезу, учитель водрузил очки обратно на переносицу и с чувством похлопал ученика по плечу:

— Я верил... Я знал, что дождусь того дня, когда ты одумаешься. Все-таки великое терпение всегда вознаграждается.

После этого он шаркающей походкой направился к выходу, являя миру спину, полную светлой грусти и глубокого удовлетворения.

— ... Да ладно? — Цзянь Сунъи недоуменно проводил его взглядом. — Неужели я раньше настолько демонстративно презигал гуманитарные предметы?

— Еще как презирал, — встрял вездесущий Сюй Цзясин. Бесцеремонно отпихнув Ян Юэ, он протиснулся сквозь узкий проход между партами и мгновенно испарился, попутно задев стол так, что ручка Цзянь Сунъи покатилась на пол.

Владелец ручки раздраженно нахмурился:

— Куда этот придурок так торопится? На тот свет опаздывает?

Ян Юэ злорадно ухмыльнулся:

— Да он вчера в одно лицо сожрал гору мяса, вот желудок и взбунтовался. И поделом ему! Чистой воды карма за все его каверзы. Из всей компании только его одного пронесло.

— Вообще-то мне тоже не по себе, — обронил Цзянь Сунъи, поднимая ручку. — Всю ночь желудок крутило, до сих пор ноет.

Ян Юэ тут же включил режим двойных стандартов:

— Ну сравнил! У тебя тонкая душевная организация и благородный организм молодого господина. А Сюй Цзясин просто расплачивается за грехи. Это совершенно разные вещи.

Бо Хуай, сидевший рядом и разбиравший ошибки в тесте, замер на середине математической формулы. Он отложил карандаш и поднялся из-за стола:

— Мне нужно отойти.

Цзянь Сунъи удивленно изогнул бровь:

— Перемена почти закончилась. Куда это ты собрался? Решил прогулять вечернюю самоподготовку?

Бо Хуай мягко улыбнулся:

— Если уж я решу прогулять, то непременно втяну тебя в этот заговор. Иначе ты сразу же побежишь жаловаться моей тетушке.

Бросив эту фразу, он прихватил телефон и вышел из класса.

Цзянь Сунъи фыркнул и вновь уткнулся в сборник. Однако за четверть часа он не смог вымучить ни строчки.

Ему искренне казалось, что у составителей тестов серьезные проблемы с головой. Ну зачем из раза в раз спрашивать, о чем думал автор в момент написания? Неужели он похож на экстрасенса, способного читать чужие мысли?

«Да я даже мысли Бо Хуая разгадать не могу, хотя тот дышит со мной одним воздухом за соседней партой! Каким образом я должен понять людей, которые умерли бог весть когда и которых я в глаза не видел?»

Цзянь Сунъи начало потряхивать от глухого раздражения.

— Вот то ли дело математика или физика... Насколько же они милее. Чиркнешь пару формул — и вуаля, максимальный балл в кармане, — неосторожно пробормотал он вслух.

Окружающие синхронно повернулись к нему, наградив такими взглядами, словно перед ними сидел опасный сумасшедший.

Юй Цыго и вовсе притворно схватился за сердце:

— Если бы я не угадывал ответы в тестах с помощью карт и звезд, мои баллы по физике и математике в сумме не дотянули бы даже до твоего худшего результата по китайскому!

— погоди, ты реально умеешь высчитывать правильные варианты?! — оживилась обделенная гениальностью публика, уповая на помощь потусторонних сил. — Юй Цыго, научи! Клянусь, буду покупать тебе куриные роллы весь семестр!

Юй Цыго самодовольно зашевелил бумажным веером:

— Разумеется, умею. Ваш покорный слуга еще ни разу не ошибался в прогнозах. Но увы — тайное знание передаче не подлежит.

Ян Юэ безжалостно вернул его с небес на землю:

— Ага, конечно. А кто предсказывал, что Брат Сун окажется Омегой, да еще и сойдется с Дедушкой Бо? И насколько точным вышел прогноз? Щеки от стыда не горят?

Юй Цыго подавился воздухом.

Цзянь Сунъи тоже почувствовал, как к лицу приливает жар.

К счастью, неловкую паузу прервало возвращение бледного Сюй Цзясина. Держась за живот, он пролепетал едва слышным голосом:

— Многолетние залежи наконец-то покинули мой организм. Теперь и умереть не жалко.

Цзянь Сунъи озадаченно моргнул. «Он вообще правильно использует идиомы? Или просто пользуется тем, что я не силен в литературе?»

Тем временем Сюй Цзясин на негнущихся ногах доковылял до их ряда и, опершись на край стола Цзянь Сунъи, прохрипел:

— Я сейчас у входа встретил дежурного. Тот сказал, что у ворот какой-то парень из другой школы дожидается Дедушку Бо.

Цзянь Сунъи мгновенно подобрался:

— У каких ворот? У главных или у черного хода?

— У главных, конечно. Откуда пришлому знать про наш лаз в переулке.

Цзянь Сунъи мысленно перевел дух.

Черный ход Наньвая вел напрямик на оживленную торговую улочку. Именно через него ученики обычно сбегали с уроков или бегали за перекусом. Значит, Бо Хуай вряд ли разминется с незванным гостем.

Интуиция в один голос с логикой твердили: этот незванный гость — Ван Хай.

Цзянь Сунъи резко поднялся, сорвал со спинки стула форменную куртку и направился к выходу. Сделав пару шагов, он обернулся к ребятам:

— Ни слова Бо Хуаю. Если спросит, где я, скажите, что пошел к учителю разбирать сложную тему.

Осень в Наньчэне всегда наступала стремительно. На улице дул промозглый ветер, от которого ноющая боль в желудке лишь усилилась. Накинув куртку прямо на плечи, Цзянь Сунъи ускорил шаг, направляясь к главным воротам.

Историю Ван Шаня он знал досконально.

Тот был приезжим из глухой провинции, обычным малоимущим парнем. Поначалу он просто вел себя тише воды ниже травы, отличаясь чрезмерной замкнутостью, из-за чего одноклассники обходили его стороной. Позже начались вечные задержки с классными взносами. Ван Шань постоянно юлил и откладывал оплату, что со временем стало раздражать остальных.

Бо Хуай, занимавший тогда пост старосты, без задней мысли каждый раз вносил за него деньги из собственных карманов. Однако Ван Шань расценил это по-своему, решив, что обрел верного соратника.

В те годы Бо Хуай еще не казался такой ледышкой. Пускай он не отличался общительностью, но никогда не отказывал Ван Шаню в посильной помощи.

А потом Ван Шаня обвинили в краже. Тот все отрицал и умолял старосту подтвердить его алиби. Бо Хуай, не имея возможности солгать, лишь сухо ответил, что не станет высказываться о вещах, в которых не уверен, добавив, что бремя доказательства лежит на обвиняющей стороне.

Ван Шань счел это предательством.

Тем же вечером у Бо Хуая пропала вещь, которую он вскоре обнаружил в ящике стола Ван Шаня.

Он всего лишь попросил вернуть украденное, пообещав не раздувать скандал, если тот пообещает завязать с воровством. Но Ван Шань демонстративно швырнул эту вещь в окно с шестого этажа. Бо Хуай, обычно державший эмоции под железным замком, впервые вышел из себя. Они крупно поссорились прямо в классе и разошлись злейшими врагами.

И надо же было такому случиться, что на следующий день обворованные ученики решили проучить Ван Шаня, а Бо Хуай как раз взял отгул и отсутствовал в школе.

Тогда и разыгралась трагедия.

Цзянь Суньи считал, что Бо Хуая сделали без вины виноватым. В свои тринадцать лет он был ранимым ребенком, прятавшим чуткое сердце за маской равнодушия, а в итоге превратился в классического простофилю из притчи, пригревшего на груди змею.

Впрочем, одна деталь до сих пор не давала Цзянь Суньи покоя. Бо Хуай никогда не цеплялся за материальные блага, к тому же страдал брезгливостью — если бы у него украли безделицу, он бы просто забыл о ней. Но в тот раз он пошел на принцип, потребовав вернуть пропажу, и даже ввязался в драку.

Что же за вещь украл Ван Шань? Цзянь Суньи отчаянно хотел это узнать, но его друг упорно хранил молчание.

И если в ненависти Ван Шаня к Бо Хуаю еще прослеживались хоть какие-то мотивы, то нападки его младшего брата, Ван Хая, были чистой воды вымогательством. Обычный уличный шантаж ради легких денег.

Цзянь Суньи презрительно усмехнулся, поняв, что уже подошел к школьным воротам.

В будние дни ученикам строго запрещалось покидать территорию школы, равно как и посторонним — заходить внутрь. Но для молодого господина Цзяня законы не писались: в конце концов, всю систему безопасности этого учебного заведения спонсировал его отец.

Едва перешагнув порог КПП, Цзянь Суньи заметил Ван Хая, подпирающего кирпичную

стену.

Невзрачный Бета в застиранной форме Первой средней школы выглядел до того невзрачно и отталкивающе, что вызывал инстинктивное омерзение.

Ван Хай тоже заметил приближающегося парня. Смерив его прищуренным взглядом, он выдавил кривую ухмылку:

— А, это ты. Что, Бо Хуай струсил и прислал вместо себя шестерку?

— У Бо Хуая полно важных дел, а у меня куча свободного времени, вот и решил заглянуть на огонек, — небрежно отозвался Цзянь Сунъи, поправляя наброшенную на плечи куртку. Голос его звучал обманчиво лениво. — Давай ближе к делу. Я хоть и не занят, но терпением не отличаюсь.

Ван Хай не стал тратить время на пустую болтовню:

— Вы вчера крутились у нашей закуской?

— Чистая случайность. Не стоило ради этого тащиться в такую даль.

Ван Хай сплюнул под ноги и демонстративно размазал слюну носком кеда. Его лицо приняло наглое выражение:

— Я здесь ради дела. Передай Бо Хуаю, пусть раскошеливается. За моральный ущерб. Слышал про такое?

— Моральный ущерб? — Цзянь Сунъи искренне рассмеялся. Подобной наглости ему еще не доводилось встречать. Он сделал шаг вперед, нависая над собеседником всем своим ростом. — Мне вот жутко интересно: с каких это пор тебе полагается компенсация? Только потому, что Бо Хуай оказался слишком благороден и не стал пинать твоего никчемного брата вместе со всей толпой?

Несмотря на абсурдность своих претензий, Ван Хай вещал с непоколебимой уверенностью:

— А я тебе отвечу! Если Бо Хуай не считал моего брата другом, с какого перепугу он постоянно сорил деньгами и платил за него? А раз считал другом, то почему из раза в раз забирал себе первое место, лишая брата стипендии? Он что, голодал без этих копеек? Да он еще и обвинил его в воровстве! А в день трагедии брат прямым текстом предупредил его, что назревают неприятности, но этот гад все равно свалил из школы. Это же очевидно: он сам подговорил тех отморожков! Мой брат остался калекой по его вине, так почему этот богатеи должен оставаться в стороне? С какой стати мне не просить денег?

Высказавшись, он великодушно взмахнул рукой, будто делал великое одолжение:

— Ладно, я не жадный. Многого не прошу — накиньте пару тысяч на карманные расходы, сигареты там купить, интернет оплатить, и мы в расчете. В противном случае я распишу всю эту грязную историю во всех красках и солью на школьные форумы, в паблики Первой средней, выложу в соцсети. Пускай народ почитает и узнает, что за тварь этот ваш Бо Хуай. Посмотрим, как он после этого отмоется.

Мерзавец пошел ва-банк, надеясь вытрясти хоть какую-то мелочь.

Разумеется, для Цзянь Суньи пара тысяч была сущим пустяком. Но он скорее выбросил бы эти деньги в канализацию, чем отдал хоть один юань стоящему перед ним подонку.

Одним резким движением Цзянь Суньи сгреб Ван Хая за грудки, оторвал от земли и с силой припечатал к кирпичной стене. На его губах заиграла злобная усмешка:

— У твоего братца явные проблемы с головой. Клептомания вперемешку с паранойей. Вместо того чтобы лечить его у психиатра, вы решили повесить всех собак на невинного человека?

— Ты все врешь!

— Вру я или нет — решать не тебе. Весь наш разговор от первого до последнего слова зафиксирован на диктофон. Заявление о вымогательстве у несовершеннолетнего — отличный повод для знакомства с полицией. Сильно сомневаюсь, что у тебя хватит духу сигануть с крыши вслед за братом. Так что думай сам: либо посидишь под арестом, либо твоим родителям придется влезть в долги, чтобы замять дело.

Ван Хай с детства рос шпаной и не раз промышлял мелким грабежом среди школьников. Он привык, что изнеженные мажоры предпочитают откупаться, лишь бы избежать проблем, но сейчас явно нарвался не на того человека.

Его спесь мгновенно улетучилась, однако он все еще пытался огрызаться:

— Не хочешь платить — катись к черту! Но у меня есть еще одно дело. Брат хочет встретиться с Бо Хуаем. Говорит, пришло время расставить все точки над «и»... Мать твою! Ты... ты с ума сошел?!

Цзянь Суньи не сошел с ума. Он оставался предельно спокоен, когда завел предплечье вперед и жестко заблокировал гортань Ван Хая, одновременно перекрутив воротник его куртки так, что тот начал задыхаться.

Взгляд Цзянь Суньи так и веял ледяным холодом:

— Передай своему брату: Бо Хуай сейчас живет припеваючи и ни о каких былых обидах не вспоминает. И раз уж вы так жаждете узнать, почему он тогда ушел из школы — я скажу. В тот день у меня случился тяжелейший приступ гастрита, и он вез меня в больницу. Так что если вам, ублюдкам, непременно нужно найти виновного во всех ваших бедах — валите все на меня. К Бо Хуаю не смейте приближаться.

Ван Хай судорожно хватал ртом воздух, пытаясь что-то возразить, но Цзянь Сунъи не дал ему вставить ни слова:

— И еще: если Бо Хуай когда-нибудь решит высказать твоему братцу всё, что о нем думает, я лично приду с ним. Но не сегодня. Усек?

Лицо Ван Хая уже приобрело багрово-синюшный оттенок от нехватки кислорода, и ему оставалось лишь отчаянно кивать в знак согласия.

Цзянь Сунъи брезгливо разжал пальцы и небрежно размял запястье, повернувшись спиной. Направлять в сторону этого ничтожества даже мимолетный взгляд было выше его достоинства.

Ван Хай согнулся пополам, со свистом втягивая воздух, после чего злобно выплюнул вслед уходящему:

— Твои кроссовки ведь стоят не меньше семи-восьми тысяч, верно?

Цзянь Сунъи нехотя притормозил.

— Я когда-то толкал подделки этой модели, — сквозь зубы рассмеялся Ван Хай. — Но у меня не было денег даже на реплику. Знаешь, мой брат ненавидел Бо Хуая еще задолго до того, как его покалечили. Вы, богатенькие выскочки, всегда ходите в любимчиках: при деньгах, при мозгах, смазливые по уши. А потом начинаете строить из себя благодетелей, чтобы потешить собственное эго за счет обделенных. Но стоит вам заскучать, как вы тут же забираете свою фальшивую милость обратно. Вы хоть раз задумывались, каково нам? С какой стати вы смотрите на нас как на грязь? Вам просто повезло родиться в правильной семье!

Цзянь Сунъи не мнил себя праведником и не собирался читать морали уличному отребью. Он лишь холодно бросил через плечо:

— Повезло родиться — это моя удача, и завидовать тут бессмысленно. Но суметь построить достойную жизнь, не имея знатных предков — это уже талант, который тебе тоже не светит.

Сделав пару шагов, он невольно вспомнил вчерашних хозяев шашлычной — исхудавших, изможденных непосильным трудом, но при этом на удивление радушных и улыбчивых людей. Цзянь Сунъи не выдержал и добавил:

— Твоя семья сейчас кормится буквально за счет потерянных ног твоего брата. Ты единственный здоровый мужик в доме. Может, пора взяться за ум и начать жить по-человечески?

На этот раз он действительно ушел, не оборачиваясь.

В душе Цзянь Сунъи не чувствовал себя победителем.

Он испытывал к Ван Шаню лишь глухое омерзение.

Бо Хуай только казался бесчувственной глыбой, но за этой холодностью скрывалась ранимая, тонко чувствующая натура. Он привык держать все переживания в себе. Искренне протянул руку помощи, а получил в ответ нож в спину, да еще и обвинения во всех смертных грехах. Будучи жертвой чужой подлости, этот дурак из-за собственной порядочности умудрялся винить во всем себя.

Стоит ли удивляться, что с каждым годом Бо Хуай все глубже прятался в свою раковину? Если бы не их давняя дружба, он бы давно превратился в абсолютного отшельника.

Цзянь Сунъи вдруг поймал себя на мысли, что больше не злится на Бо Хуая за отнятые титулы школьного красавчика и первого ученика параллели.

«Учитывая, какой он неудачник, уступить ему первенство — не такая уж большая плата».

Придерживая ноющий желудок ладонью, он вернулся в класс.

Бо Хуай уже сидел на своем месте, усердно решая задачи. А на парте Цзянь Сунъи красовался бумажный стаканчик с исходящим паром травяным настоем.

Цзянь Сунъи недовольно поморщился и попятился назад.

— Вернись и выпей лекарство, — ровным тоном произнес Бо Хуай, даже не поднимая головы от тетради.

Цзянь Сунъи посчитал, что пить микстуры под бдительным присмотром соседа — занятие, порочащее его репутацию грозы школы. С самым несчастным видом он нехотя подполз к парте и устался на стаканчик так, словно в нем был яд.

«Я только что защитил его честь перед уличным хулиганом, а этот неблагодарный платит мне такой монетой. Никакой совести».

Бо Хуай отложил ручку и повернулся к нему:

— Разве у тебя не болит желудок?

— Терпеть не могу эту гадость, — капризно буркнул Цзянь Суньи.

Бо Хуай заговорил с ним, как с маленьким ребенком:

— Оно сладкое.

— Единственная темная жидкость с приятным вкусом, которую я знаю — это кола.

— Да сладкое оно, зачем мне тебя обманывать? — глядя на упрямо надувшегося друга, Бо Хуай едва сдерживал улыбку.

Цзянь Суньи продолжал упрямиться. Он органически не переносил горечь — стоило съесть или выпить что-то горькое, как он тут же терял самообладание.

Бо Хуай вздохнул, снял тонкие очки в изящной оправе и устало потер переносицу:

— Помнится, в больнице ты обещал выполнить любое мое требование в обмен на услугу?

—... Ну было дело.

— И ты уверял, что держишь свое слово?

— Да, но...

— Мое требование простое: ты будешь принимать эту суспензию трижды в день перед едой на протяжении всего курса лечения.

— Ты серьезно? — Цзянь Суньи окончательно лишился дара речи. — Потратить такое шикарное обещание на какую-то микстуру? Какая тебе от этого выгода? Мог бы попросить что-то действительно стоящее!

Бо Хуай мастерски парировал его выпад:

— Впрочем, если ты решил пойти на попятную — дело твое. Я не удивлен.

—...

«Хитрый лис! Опять берет на слабо!»

Насупившись, Цзянь Сунъи зажал нос, зажмурился и залпом осушил стаканчик.

Хм...

Оно и правда оказалось сладким.

Он облизал губы и неловко пробормотал:

— Слушай... давай это не будет считаться? Можешь загадать что-нибудь другое.

Бо Хуай продолжал что-то писать правой рукой, а левой подвинул к нему стакан с чистой теплой водой:

— Не нужно. Запей, чтобы убрать привкус, а то потом все равно будет горчить.

В этот момент из его левой ладони на парту бесшумно скользнула молочная ириска. Он прикрыл ее стаканом так, чтобы никто из одноклассников не заметил маневра.

Цзянь Сунъи молниеносно смахнул конфету под стол, ловко развернул фантик и отправил лакомство в рот. Сладкий сливочный вкус мгновенно разлился на языке.

Конспирация прошла успешно — никто ничего не заподозрил, и авторитет главного школьного бунтаря не пострадал.

Цзянь Сунъи внезапно подумал, что Бо Хуай не такой уж и плохой парень. Да, язык у него острый как бритва, зато он заботливый и начисто лишен корысти. Наверное, он раньше его недооценивал.

К тому же, вспоминая, сколько злоключений выпало на долю этого парня с самого детства, Цзянь Сунъи невольно почувствовал укол жалости. Как при такой невезучести Бо Хуай ухитрился сохранить доброе сердце? Пожалуй, стоит относиться к нему капельку теплее.

«Мои друзья станут его друзьями, мои родители — его родителями, да я даже готов поделиться с ним собственной удачей! В общем, я сделаю все, чтобы его жизнь стала намного счастливее».

Тем временем «начисто лишенный корысти» Бо Хуай со спокойной душой перевернул страницу задачника.

Цзянь Сунъи оказался на редкость сговорчивым. Очевидно, в будущем представится еще масса возможностей вытянуть из него парочку обещаний, так что тратить нынешний козырь на мелочи было совсем не жаль. В конце концов, самое главное его желание — чтобы этот глупый мальчишка прожил долгую, здоровую и счастливую жизнь.

Хотя, если поразмыслить, отпраздновать день рождения все-таки стоит.

Выудить у Цзянь Сунъи несколько «желаний на совершеннолетие» — отличная инвестиция в их будущую совместную жизнь.

Бо Хуай задумчиво прокрутил ручку между пальцами.

<http://bllate.org/book/20583/2192929>